

Оргусаар Урмас

1985/XII

Советская Эстония

г. Таллин

29 ДЕК 1985

СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

В МИРЕ творчества

Ему всегда нравились пропитанные солью, добела отшлифованные куски дерева, выброшенные морским прибоем на берег. Он всегда считал, что никакой дополнительной обработки такое дерево не требует, куски его естественно и органично становятся фрагментами станковой композиции. И несколько лет назад художник Урмас Оргусаар выставил в Таллинском Морском музее серию композиций — кожа в сочетании с веревочным плетением и кусками дерева, возвращенного морем.

Урмас Оргусаар в творчестве своем всегда отдает предпочтение традиционным изделиям из кожи. Но, конечно же, в первую очередь его интересует не утилитарное, бытовое предназначение вещи, а возможность снова и снова «открывать» материал. Он включает в кожаный переплет дерево, разнообразит поверхность композициями из веревочного плетения, которые обогащают фактуру и одновременно способствуют взаимодействию вещи с окружающим пространством.

Иногда название художественного переплета дается по имени писателя, для произведений которого тот переплет выполнен. Так появлялись оригинальные авторские переплеты «Гете», «Бальзак» или показанные на последней выставке Оргусаара — «Таммсааре», «Пансо». Есть у художника переплет, сделанный для сборника стихов С. Есенина. Перед нами кожаная поверхность с симметричными линиями-волнами, набегающими друг на друга, прихотливо переплетающимися, словно волны пшеницы на июльском поле...

Здесь, вероятно, будет уместен небольшой экскурс в прошлое. В Эстонии традиции художественной обработки кожи уходят своими корнями еще в средние века. Современная национальная школа является ведущей в стране в этом виде декоративно-прикладного искусства. Этому в немалой степени способствовало то, что в 60-х годах в какой-то степени изменился сам взгляд на возможности прикладного искусства, а расширение жанровых границ привело к появлению рядом с традиционными коробками, футлярами, переплетами, альбомами не менее искусных и самобытных станковых произведений — декоративных настенных панно, ковров. Используя аппликацию, плетение, сочетая кожу с деревом, металлом, пластиком, художники-прикладники стали создавать произведения необычные по форме и конфигурации. А



Люди искусства

НЕБО НАД ГОЛОВОЙ

сколько возможностей таится в выявлении качеств самого материала, если иметь в виду его способность принимать самые разнообразные очертания, сжиматься, растягиваться, воспринимать краску или наоборот — своим естественным цветом сочетаться с цветовыми оттенками других материалов. Наконец, прикладники работают без посредников. Их произведения рукотворны и словно бы сохраняют теплоту прикосновения автора к вещи, им создаваемой, уникальной уже потому, что тиражировать оригинальное произведение из кожи — задача достаточно не простая.

По собственному признанию, в школьные годы Урмас Оргусаар по рисованию в отличниках не ходил. Рисовал, как все, и оценки получал разные. Что привело его в художественный кружок Дворца культуры имени Я. Томпа, который тогда находился на улице Пикк, он и сам теперь сказать не может. Но придя один раз, вто-

рой, так и остался. Три года посещал Урмас кружок. После школы поработал ретушером в типографии «Октобер», потом окончил подготовительные курсы в Художественном институте и поступил на отделение прикладного искусства. Выбрал Урмас кожу.

Когда ведешь речь о творчестве художника, за плечами которого уже не один год работы, всегда есть соблазн и опасность впасть в перечисление. Называть даты, работы и серии, города, где художник выставлялся, награды, которыми отмечался, издания, где репродуцировался. Но в мастерской художника, где уютно стучат на стене дедовские еще ходики, размалеванные по циферблату незатейливыми цветочками, в мастерской, рядом с чем-то начатым или только что оконченным об этом как-то не думается.

Мастерская художника — мир всегда особый. И вот эта, и многие другие — просторные

и тесные, начиненные множеством вещей и вещей. И у каждой свое место и предназначение, а все вместе они — та среда, в которой художнику хорошо думается и работает.

Рядом с ходиками припилен булавкой к стене портрет Адамсона-Эрика. На нем художник молод, глаза дерзкие, шевелюра растрепана.

— Знаете, как мне повезло? — говорит Оргусаар, поймав мой взгляд. — Мы с Адамсоном-Эриком родились в один день — 18 августа, он только лет на сорок пораньше. Может, с этого все и началось? А если серьезно — мне действительно повезло. Я еще застал Адамсона-Эрика в нашем институте. Он, правда, с другой группой работал, но я все равно считал себя его учеником. Кафедра маленькая, студентов в каждой группе — по пальцам пересчитать и, конечно же, ты всегда в курсе того, что рядом происходит. Самое главное — я постоянно видел новые работы

мастера, это были очень плодотворные годы его работы. Он словно чувствовал, что надо опешить... Не знаю в эстонском искусстве другого такого прикладника. Не поверите, но боюсь сейчас ходить в его музей: хочешь-не хочешь, а обязательно что-то подсмотришь, позаимствуешь. И не грешно вроде, нет тут твоей вины — и все-таки... Адамсона-Эрика отличала необычайная легкость — работал словно играючи. И кому до того дело, как давались ему легкость и изящество. Говоря все это, Оргусаар воюет с несколькими двухпудовыми гириями и здоровенным куском ржавого рельса, которые прочно обосновались на большом листе фанеры.

— Это у меня вместо прессы, — поясняет Урмас, переводя дух, а я уже ничему не удивляюсь, — пресс, так пресс. В этот момент я думаю о том, что художник никогда не живет прошлым. Глядя на завершенную работу, он мысленно обращается к новой, уже увиденной им внутренним зрением, еще далекой от воплощения, изменчивой, словно мечта. Как неблизок путь к ней. Задумав новую работу, художник-прикладник, как опытный мастер-вой, сначала неспешно примеривается, прикидывает, и лишь потом без суесть берется за дело. Слой за слоем накладываются один на другой листы картона. Потом эти двадцать листов надежно скрепляются клеем и ложатся под те самые двухпудовые гири. Потом по заранее сделанным эскизам поверхность обрабатывается специальными инструментами. О самой коже речи пока еще нет...

Управившись, наконец, с гириями, Оргусаар устанавливает на кресле только что законченную станковую композицию: кожа с аппликацией.

— Название уже есть?

— Икар, — отвечает Урмас и уточняет, — еще один Икар. У меня их много. Икар всегда напоминает о небе над головой. Икар... Дон-Кихот... Без них в жизни чего-то не хватало бы, верно?

Н. КИРИЛЛОВ.

Фото Д. Пранца.